

НИКТО ТЕБЯ НЕ ХВАТИТСЯ

Никто тебя не ищет?
Значит, тебя нет.

Ариадна Фальк

18+

Ариадна Фальк

Никто тебя не хватится

<https://litres.ru/74186139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой крепкий парень с темным прошлым вошел в квартиру к девушке, а очнулся парализованным на больничной койке. Он не помнит, что с ним случилось. Его называют чужим именем, о нем заботится чужая женщина и говорит, что она его мать. Ему нечего возразить: он не может говорить. Он заперт в собственном теле.

Никто не ищет его. Семьи и друзей у него нет. Мир не заметил его исчезновения.

Молодая сиделка Аля пытается помочь ему — и сама бесследно исчезает.

Кто этот человек — злодей или жертва? Он находится во власти бреда или попал в хитро расставленную ловушку? Во всем этом предстоит разобраться консьержу Боре, бывшему военному полицейскому, одному из героев книги «То, чего нет».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ариадна Фальк

Никто тебя не хватится

Никто тебя не хватится

Аннотация

Молодой крепкий парень с темным прошлым вошел в квартиру к девушке, а очнулся парализованным на больничной койке. Он не помнит, что с ним случилось. Его называют чужим именем, о нем заботится чужая женщина и говорит, что она его мать. Ему нечего возразить: он не может говорить. Он заперт в собственном теле.

Никто не ищет его. Семьи и друзей у него нет. Мир не заметил его исчезновения.

Молодая сиделка Аля пытается помочь ему — и сама бесследно исчезает.

Кто этот человек — злодей или жертва? Он находится во власти бреда или попал в хитро расставленную ловушку? Во всем этом предстоит разобраться консьержу Боре, бывшему военному полицейскому, одному из героев книги «То, чего нет».

Путы для Фенрира сделали гномы из того, чего в мире больше нет: из шума кошачьих шагов, из женской бороды, из корней гор, из медвежьих жил, из рыбьего дыхания и из птичьей слюны. Путы были гладки и мягки, как шелковая

лента.

Снорри Стурлусон, «Младшая Эдда»

Глава 1

Боря шел на работу, но по дороге заглянул в овощной магазинчик у метро. В витрине он заметил черешню, и ему ужасно захотелось ее попробовать. От ценника брови Бори поползли вверх. Но он вспомнил, что давно не покупал ничего такого, так что, возможно, это обычная цена. Он взял килограмм, после того как продавец угостил его, а к черешне прикупил еще клубники. Ее аромат так щекотал ноздри, что удержаться было невозможно. К нему постепенно возвращались запахи, звуки, цвета, которые он почти забыл за годы беспамятства.

— Вы оживаете, — сказал ему гипнотерапевт Владимир Николаевич. — Возвращаетесь к жизни.

И Боря ничего не имел против.

Он начал бегать по вечерам, покупать разнообразные сорта чая и кофе, радуясь, что возвращается вкус. Оживал и его мозг: он начал вспоминать старые дела, то, как он вместе с другими шел по следу, как радовался догадкам, какой азарт погони его охватывал. Чтобы воскресить всплеск адреналина, он ездил на Диво-остров и катался на самых страшных аттракционах, после чего короткое время чувствовал себя почти счастливым. Но он по-прежнему работал консьержем и не пытался найти что-то другое, более соответствующее его навыкам. Армия его списала, идти в полицию он не хотел,

а устроиться куда-нибудь вышибалой или частным телохранителем было бы слишком скучно. Конечно, работа консьержа была скорее для старичка-пенсионера, но Боре она нравилась. Нравилось наблюдать за людьми и тренировать эту наблюдательность, нравилось помогать им и опекать. Единицы из них были знакомы друг с другом, но Борю знали почти все. Бабуси несли ему пирожки, женщины помоложе преподносили кофе за мелкие услуги, мужчины предлагали какие-то халтуры или приглашали домой — на партию в шахматы или нарды. Боря был хорошим собеседником и слушателем.

Иногда Подкрышница или Иваныч говорили, что Боре нужна женщина.

— Женщина — это жизнь, — важно провозглашал Иваныч, подняв к небу указательный палец. — Она держит мужика на поверхности. С ней не забалуешь.

Боря соглашался с ним, кивая головой, но тему не поддерживал.

Была, однако, женщина, о которой он часто думал. Она взяла другое имя, не зная, во что ее втягивают. Она убила человека, но спасла ему жизнь. Вряд ли она рискнет еще раз появиться здесь, и уж совсем невероятно предположить, что они когда-нибудь увидятся. Скорее всего, она давно сменила номер, смартфон, фамилию и имя. Но он все равно думал о ней. Где она? В какой стране? Может, отправить ей сообщение? Вдруг она ответит... Но он пока не придумал, что бы

такого ей написать, чтобы не отпугнуть.

Честно говоря, он думал о ней каждый день. Может, именно из-за этого жизнь снова наполнилась звуками, запахами и красками. Она ведь художница, эта женщина, наверно, именно она раскрашивает для него этот серый мир.

Приближаясь к дому, Боря заметил странную картину. Здоровенный мужик тащил за руку к машине девушку лет двадцати, а она отчаянно вырывалась и шипела как кошка. В несколько прыжков Боря оказался у машины и отшвырнул мужика в сторону, оторвав от его жертвы. Девушка тут же бросилась бежать, мужик было рванул за ней, почти не обратив на Борю внимания, но Боря сбил его с ног, чувствуя, как его тело разом вспомнило все, чему его учили в армии.

— Ты что творишь? — крикнул он мужику. — Оставь ее!

К его удивлению, мужик одним прыжком вскочил с земли и тут же заехал Боре в глаз. Похоже, он нашел равного противника. Обменявшись ударами, оба встали в стойку, готовясь продолжить драку — и вдруг противник неуверенно сказал:

— Боря? Борис Громов?

Боря взгляделся в мужика — и узнал полковника Сергеева, с которым был хорошо знаком лет десять назад.

— Роман Сергеев? — спросил он неуверенно, но рук не опустил.

— Он самый.

— Ну и что это было? — спросил Боря. — Куда девчонку

ташил?

Мужик снова ошетинился.

— Не твое дело, — процедил он. — Это Аля, моя дочка.

Боря фыркнул.

— И что я должен сказать? «А, ну если дочка, можешь хоть ногами ее затоптать»?

Какое-то время они молча стояли напротив друг друга, напряжившись, как коты перед дракой. Наконец Сергеев расслабился и устало махнул рукой.

— Нет с Алькой никаких сил, — сказал он. — Замучились мы с матерью.

— А в чем дело-то? — удивился Боря. — Я, по-моему, видел ее несколько раз в нашем доме... Девчонка приличная, здороваается, не курит...

Он с удивлением услышал в своем голосе интонации Подкрышницы, бабули с последнего этажа, которая все про всех знала.

— А ты откуда знаешь? — удивился полковник. — В каком это вашем доме?

— Да вон в том. — Боря указал рукой на дом. — Я там работаю консьержем... Ну, отвечаю за камеры, безопасность, хозяйство и все такое.

— Консьержем? — Полковник, видимо, еще больше удивился. — В том доме?

Боря пожал плечами. Ему не хотелось ничего объяснять, да он и не обязан. Он боялся, что полковник полезет с рас-

спросами, но тот как будто даже обрадовался.

— Слушай, давай зайдем куда-нибудь и посидим, — предложил Сергеев.

— У меня смена, — сказал Боря. — Пора менять Иваныча. Если хочешь, пойдем в мою комнатушку и поговорим. У меня и пластырь есть, я тебе губу разбил.

Полковник хмыкнул.

— Ага, на свою харизму посмотри. Тоже бровь подклеить надо... Ладно, пойдем.

Увидев их разбитые лица, сухонький Иваныч напрягся:

— Борь, все в порядке? — и грозно оглядел полковника.

— Все хорошо, Иваныч, мы давно знакомы. Не узнали друг друга, ошибочка вышла. Ты иди, отсыпайся.

Оставшись вдвоем, полковник и Боря подмазали и подклеили пластырем свои побои и уселись пить кофе.

— Знатный кофе, — сказал полковник, с наслаждением делая глоток. — Давно такой не пил.

— Поклонницы дарят, — улыбнулся Боря. — И кофемашину отдали. Бэушную. Так о чем поговорить-то хотели, Роман Петрович?

Полковник вздохнул и заговорил.

У них с женой двое детей — старший сын и дочь. Сын, родительская гордость и радость, закончил МИФИ, нашел прекрасную работу, женился и осел в Москве. Дочь... (тут полковник сердито засопел) в последнее время превратилась в полную идиотку. Она и раньше была строптивая и с при-

дурью, а как школу закончила, так совсем с цепи сорвалась. С трудом загнали ее в институт на платный факультет. Нет смысла говорить, какой именно институт, потому что ее хватило на месяц. После чего она забрала документы, сказав, что жизнь ее к такому не готовила.

— Понимаешь, Боря? Жизнь не готовила ее к тому, что нужно ездить на другой конец города и писать курсовые, а потом еще и сессию какую-то сдавать. Жизнь не готовила ее к уборке, помощи по дому, приличной одежде и прическе. И конечно же, жизнь не готовила ее к работе с девяти до шести. Впрочем, и с десяти до семи, да и вообще ни к какой другой. Она у нас натура творческая. Валяется на диване в своей комнате, ищет какие-то заработки в Интернете... то, прости господи, какие-то отзывы платные оставляет, то языки разучивает с ИИ или с этой, как ее, совой... Но это еще полбеды.

Полковник отхлебнул из чашки и выдал новый залп:

— А теперь, друг ты мой Борис Иванович, послушай, к чему ее жизнь готовила. К кольцам в носу и языке, к спанью до обеда, к курению косяков — полиция задержала вместе с парой других молодых идиотов. Она не знает, чего мне стоило замять дело. О работе не думает, о замужестве не помышляет, про образование молчу. Попробовал ее вразумить бог весть в который раз — психанула. Убежала, хлопнув дверью, уже месяц дома не живет. На звонки не отвечает, на сообщения тоже. Еле узнал через подругу, что она живет в вашем

доме. С кем живет, чем занимается? Может, косяки крутит на продажу?

Боря покачал головой.

— Ничего такого не замечал. Я, правда, особо не приглядывался, но если бы было что-то из ряда вон, заметил бы. Вижу ее довольно часто, но не общаюсь. Пару раз здоровались, и все. Думаю, не стоит волноваться.

— Ага, как же, не стоит. Она же этот, как его... зумер. Знаешь, кто это?

Голос полковника понизился до драматического шепота, и Боре стало смешно.

— Ну да. Это кто-то сильно молодой, от четырнадцати до двадцати пяти вроде бы. Ну зумер и зумер, это ведь не болезнь. Насколько мне известно. Они залипают в Интернете и...

Полковник устало махнул рукой.

— Да-да, оставим это. Борь, у меня к тебе предложение. Ты ведь был военным полицейским. Я хочу тебя нанять в качестве частного сыщика. Узнай мне все про эту мою дуру: у кого живет, с кем живет, чем занимается. Она ведь не работает, за помощью не обращается — значит, деньги есть. Вопрос — откуда?

Боря пожал плечами.

— Рома, сколько ей лет? Совершеннолетняя?

— Двадцать три стукнуло уже.

— Так чего ты беспокоишься? Она взрослая, из хорошей

семьи, ну хочется ей свободы. Ты, может, по-полковничьи слишком давишь на нее. Вот она и бесится.

Полковник сдвинул брови и засопел.

— Боря, я к тебе не за советом пришел. Заведи своих, потом будешь рассказывать, какие они самостоятельные да как им свободы хочется. Я только одно хочу знать: что она не связалась с криминалом. Ну и чем вообще по жизни занимается.

— Ладно. Допустим, я узнал, что с ней все хорошо. Она снимает квартиру и где-то работает, может, удаленно. Что тогда?

Полковник пожал плечами.

— Да ничего. Получишь свой гонорар, а я оставлю ее в покое, подожду, когда остынет и сама придет. И в другом случае, если не все хорошо, тоже его получишь. Что ты теряешь? Я же не прошу быть ее телохранителем или похитить и доставить мне. Только осторожно навести справки и... наблюдать. Как тебе такая работа? Могу платить тебе каждый месяц, а ты каждый месяц будешь отправлять мне отчет. Ну уж если заметишь какой криминал — тогда сразу бей тревогу, в смысле сообщи мне. По рукам?

Боря подумал. Он соскучился по своей бывшей работе. Следить за девчонкой — это, конечно, пародия, а не работа, но лучше, чем ничего.

— Ладно, — сказал он. — По рукам.

Глава 2

После ухода полковника Боря еще немного посидел в своей каморке, допивая остывший кофе. Он смотрел в мониторы камер, но мысли его были о другом. Они не были друзьями с полковником Сергеевым, но по службе часто пересекались по службе и неплохо ладили. Боря расследовал пару дел в сергеевской части, и полковник всегда был рад помочь. Боря подумал, что будь у него взрослая дочь, он вряд ли посадил бы ее под замок. А если бы и посадил, то вряд ли удержал. Но кто он такой, чтобы судить об отцовских чувствах? Папаша беспокоится о дочке, он скучает о работе — отлично, их интересы совпали.

Боря усмехнулся. Кто бы мог подумать, что после столько лет они сначала расквасят другу другу физиономии и только потом поздороваются и пойдут мирно пить кофе. И что полковник доверит ему, бывшему алкоголику, присматривать за собственной дочерью, его драгоценной кровиночкой, которая в двадцать с лишним лет нуждается в родительском присмотре.

Должно быть, и правда тяжело это — быть взрослой дочери отцом.

Боря собирался проверить двор, когда в подъезд вошла девушка. Та самая, которую полковник тащил к машине. Красавицей не назовешь, но лицо милое, усеянное веснуш-

ками, с насупленными бровками. Видимо, еще не отошла от недавней сцены. Девчонка с виду была домашняя — ничто не выдавало в ней оторву, которая спит и видит себя королевой криминала. Скорее всего, папаша тревожится зря, но кто знает?

Девчонка явно направлялась к нему. Она несколько раз нервно оглянулась, будто боясь, что из-за угла на нее снова выскочит полковник. В руке был пакет из супермаркета. Она извлекла из него связку бананов и положила на борину стойку.

— Это вам, — сказала она. — Спасибо за помощь.

Боря пожал плечами.

— Да ладно, дело житейское.

Она фыркнула.

— Ага, еще скажите «Любой на моем месте поступил бы так же» и примите довольный вид.

Боря рассмеялся и приосанился.

— Ну что, довольный у меня вид?

Девчонка тоже улыбнулась.

— Еще какой, засияли как медный таз. Сейчас еще больше возгордитесь: вы первый, кто за меня вступился. Сколько раз он меня на улице ловил и в машину тащил, я уже со счета сбилась. И что вы думаете? Хоть бы кто слово сказал. Как рявкнет полковничьим голосом «Она моя дочь!», так всех как ветром сдувает.

— Так он твой отец?

— Ага. Мой чокнутый папаша. — Она тяжело вздохнула и присела в кресло рядом со стойкой. — Он вообще не понимает, что я уже взрослая. Ему все время кажется, что я вот-вот вступлю в банду, выйду замуж за бомжа или принесу в подоле — это его любимая присказка. Другой его страх — что я вообще никогда не выйду замуж. Ну и как понять, чего он хочет? И так плохо, и сяк. Заставил поступить в институт, всю плешь проел — будет хорошая специальность, всегда тебя прокормит. Это вторая песня после обеспеченного мужа, который тоже меня прокормит. Ну, институт у меня уже лесом пошел. Папенька, правда, еще не знает.

Боря усмехнулся.

— А что, институт был плохой?

— Институт был нормальный, — она пожала плечами. — Просто он не для меня. Не хочу я быть экономистом. Или кем там он меня видел. Я хочу быть... ну, не знаю. Художником или писателем. Или работать с людьми, а не с цифрами. Или... просто жить и радоваться. А не торчать взаперти с девяти до шести непонятно зачем. Хотя, если работа нравится, я бы торчала...

Она говорила быстро, сбивчиво, и, казалось, не до конца вышла из подросткового возраста. «Немного заполошная, но милая», — решил Боря. Было в ней что-то живое, настоящее. И при этом в линии рта и подбородка чувствовался характер. Должно быть, от полковника достался.

— Ты здесь квартиру снимаешь? — спросил он. — Или

в гостях?

— Работаю! — она оживилась. — Сиделкой. Тут в доме один инвалид есть. Парализованный колясочник. Я за ним ухаживаю.

— Парализованный колясочник? — удивился Боря. — Никогда его не видел. Ну, то есть его с тобой... с сиделкой.

— Ему нельзя, — она вздохнула. — Я бы с радостью каталась с ним по улице, уж не знаю, чем это ему может повредить. Но мне дано строгое распоряжение: только на балкон.

— Чье распоряжение? — удивился Боря.

У него мелькнула мысль, уж не является ли парализованный колясочник выдумкой Али.

— Моей нанимательницы, его мамы. Светланы Михайловны. Я и не мечтала, что она меня наймет, когда написала ей по объявлению на «Авито». Без рекомендаций, без опыта... Но она выбрала меня. Че-то я ей приглянулась. Она здесь почти не бывает. И квартира не ее, снимает у хозяина. Говорит, отсюда Антона легче возить на процедуры, которые бывают раз в два года. Посещение улицы может его взволновать, и это плохо скажется на лечении. В промежутках между курсами ему никаких лекарств не положено. Мне это, конечно, странно, но ей-то виднее.

Боря не мог понять, о какой женщине Аля говорит. Он сморщил лоб, припоминая.

— Не знаю я такой семьи, — наконец сказал он. — Какая, говоришь, квартира?

— Сто тридцать семь. Я же говорю — они снимают квартиру, чтобы было удобнее добираться. За ним заезжает машина и возит его на процедуры. Я, правда, еще ни разу такого не видела.

— Так его мать с вами не живет? Вообще?

Аля закивала головой.

— Именно так. И это огромный плюс. Вы не представляете, как хорошо, когда никто не капает на мозги, не давит, всегда выслушает... Это я о нем, о своем подопечном Антоне. — Она засмеялась. — Вы не подумайте, я совсем не радуюсь, что он больной. Но... он не грузит меня. Не спрашивает, почему я без парня, почему не учусь, почему не работаю в офисе или там на заводе. Он просто лежит и слушает, или я перетаскиваю его в коляску такой специальной штукой и вывожу на балкон дышать воздухом. Что хочешь ему рассказывай — он не осудит и не высмеет. Ну, я ему и изливаюсь время от времени. Про папашу, про жизнь, книжки или фильмы любимые пересказываю... и все такое. Может, конечно, у него от меня уши вянут, но мне кажется, что он не против. Его мама, Светлана Михайловна, сказала, что ему нравится, когда с ним говорят. Ему хорошо и мне хорошо.

Боря кивнул. Он понимал, что она имеет в виду. Иногда молчаливый слушатель лучше приятного собеседника.

— И что же входит в твои обязанности? — спросил он.

— Готовлю ему. Кормлю с ложечки. Меню утвердила Светлана Михайловна, она сюда шофера отправляет с про-

дуктами или я сама заказываю доставку — она присылает отдельные деньги на питание. Помимо зарплаты. И от себя ему покупаю что повкуснее. Он, кстати, виноград любит, я ему иногда беру гроздь небольшую... Сегодня тоже купила. — Она поднялась с кресла. — Мне пора, кстати.

Боря посмотрел на пакет.

— А как ты узнала, что он любит виноград? Он же молчит? Или знаки тебе подает?

Аля улыбнулась.

— Он не может подавать знаки, у него только палец едва шевелится. Но когда человеку что-то нравится, слова не обязательны. Это и так видно. У него глаза загораются, когда я виноград приношу. Он же не овощ, он все понимает.

Боре она нравилась. Может, забота о другом человеке поможет ей повзрослеть?

— Ладно, — сказал он. — Иди, корми своего Антона.

— Ага, спасибо! — она быстро направилась к лифту. Потом обернулась. — А вы... вы не могли бы меня предупредить, если папаша здесь появится? Боюсь, ломиться начнет, скандал устраивать — я и этой работы лишусь.

— Не начнет, — сказал Боря. — Я с ним поговорю.

Ему не хотелось врать девчонке, и он решил: если она задаст пару наводящих вопросов, он ответит, что знаком с ее отцом, но это выяснилось случайно. Про то, что он должен за ней следить, он, понятное дело, промолчит.

Лифт уехал, унося Алю к своему подопечному. Боря уже

собирался звонить полковнику, сообщить, что все в порядке, но что-то ему мешало. Рассказ Али показался ему странным. Он не думал, что девушка врет — для этого надо быть гениальной актрисой. Но семья, которая ее наняла, была довольно необычной. Мать, которая почти не бывает в квартире парализованного сына и даже сняла ему отдельную квартиру, сын, которого нельзя вывозить на улицу, хотя в доме имеется коляска, и посадить его туда может даже сублимпная Аля. Какие противопоказания могут быть у прогулки? У него что, светобоязнь? Но Аля вывозит его на балкон.

Никого из этих людей он ни разу не видел. Надо будет спросить Иваныча, может, он знает больше.

Тем не менее он не видел оснований тревожиться за Алю. Она работает, инвалид вряд ли может ей навредить, так что полковнику можно смело сказать, что все в порядке. И разве плохо, что она заботится о другом человеке?

Боря достал телефон и набрал номер полковника.

— Рома, это я. Сделал я свою работу. Твоя дочка тут работает. Сиделкой у инвалида-колясочника в нашем доме. Работа ей нравится: еда, питание, зарплата. Тишина и покой. Никакого криминала.

Полковник ахнул.

— Сиделкой? У мужика-инвалида? Она же сумку с продуктами поднять не может! Мужик молодой?

— Не знаю, не видел его ни разу. Скорее всего, молодой, если мама Алю наняла.

Полковник тяжело вздохнул.

— Так я и думал. Принесет в подоле от инвалида.

— Рома, какой подол? Он полностью парализован и даже не может говорить. Ему не до глупостей. Так что можешь успокоиться.

— А говорить для этого и не надо, — горько сказал полковник. — Слова тут ни к чему.

— Рома, ты вот сейчас серьезно? Сходи к врачу. Ну что ты несешь?

Полковник вздохнул.

— Может, попробуешь уговорить ее вернуться домой?

— Нет, — твердо сказал Боря. — Как ты себе это представляешь? Уговор был — узнать, чем она занимается. Я узнал. Дальше разбирайтесь сами. Денег я никаких не возьму, работу я сделал за полчаса.

— А как ты все это узнал? — поинтересовался полковник.

— Она сама рассказала. Подошла мне спасибо сказать за то, что вырвал из твоих лап.

— Ах, сама рассказала, да? Ну нет уж, Боря, тогда наблюдение не снимай. Она тебе расскажет. Сорок бочек арестантов наговорит! Пожалуйста, посмотри за ней еще. Ты эту семейку знаешь?

— Нет, — признался Боря. — Никогда их не видел.

— Ну вот. Это не работа следователя — верить на слово. Он прав, подумал Боря. Я потерял хватку.

— Ладно, — сказал он. — Продолжаю наблюдение. Но ты

дай слово, что не спалишь меня. Не явишься со скандалом, не станешь выслеживать ее и тащить за волосы в машину. У нас вроде наладился контакт, выпрошу у нее еще что-нибудь. А о семье наведу справки. Если обнаружится что-то подозрительное, дам знать.

Полковник помолчал и вздохнул.

— Хорошо. Может, с ней и правда все в порядке, но я хочу быть уверен.

Боря вздохнул.

— Оставь ее в покое. Захочет — сама выйдет на связь. Не дави на нее.

— Ладно, — сказал полковник. — Ты, главное, приглядывай. И деньги я тебе все равно переведу. Могу хоть сейчас аванс выдать.

— Не надо аванса. Заплатишь, когда все закончится. А я пока про это семейство справки наведу.

Он повесил трубку и посмотрел на мониторы. На экране была пустая лестничная клетка. Где-то наверху Аля кормила виноградом парализованного инвалида, который не мог даже сказать спасибо, но взглядом выражал удовольствие и радость.

Боре и в голову не могло прийти, чем вскоре обернется его простое задание.

Глава 3

Три года назад

Он решил, что ему опять снится кошмарный сон. Так бывает только во сне: хочешь шевельнуться, а тело тебя не слушается. Пытаешься повернуть голову, поднять руку, закричать, чтобы очнуться, но ничего не происходит. Спящее тело не подчиняется приказам.

Первый сон ему понравился, хоть и не сразу. Ему снился белый потолок с пятном в углу, какие-то подставки для капельниц, койки, застеленные белыми простынями. Потом его куда-то катили, перекладывали, что-то вкололи в вену, отчего по ней разлился огонь, и он уснул. Очнулся он, паря под потолком. Он смотрел на свое тело со стороны. Несколько человек ковырялись острыми металлическими предметами в его черепе. Но ему было все равно: он был свободен от тела, свободен от боли, он парил под полотком. На манипуляции врачей с собственным телом он смотрел со стороны, с любопытством натуралиста. Но потом ему стало скучно, и он отправился в полет. Сначала он вылетел в окно, потом его затянуло в какой-то черный тоннель, в конце которого был свет. Он летел на этот свет как мотылек на огонь, все ближе и ближе. И вдруг его как будто грубой рукой выдернули из тоннеля. Он снова был под потолком палаты. Медсестра вынимала у него изо рта какие-то бинты. И в этот момент

вернулись боль, дурнота, мерзкие запахи хлорки и крови. Он понял, что снова живет, и это почему-то не радовало.

Итак, он видит второй сон. Тихое гудение аппаратуры. Чьи-то шаги в коридоре. Стук каких-то капель, видимо, где-то течет кран. Запах — резкий, больничный, от которого щипало в носу. Разве во сне бывают запахи? Он не знал или не помнил. Он вообще мало что помнил.

Он попытался проснуться. Он хотел открыть глаза где угодно — в своей квартире, в детдоме, на улице, лишь бы проснуться. Но где и когда он уснул? Да и кто он такой вообще?

Он не помнил.

Паника пришла не сразу. Сначала она была легкой — будто он забыл пароль от собственного телефона. Еще вчера ты набирал его машинально, а сейчас не можешь вспомнить, хоть убей. Точно так же он не мог вспомнить свою жизнь. Но во сне так бывает. Он проснется, и все встанет на свои места.

Но сон продолжался. В нем появились какие-то люди. Опять медсестры — да что же это такое?

Пришла медсестра с добрым и усталым лицом. Она наклонилась над ним, что-то говорила, но он слышал ее еле-еле, как сквозь вату. Она взяла его руку и сжала. Он попытался ответить на пожатие, пошевелить пальцами — из этого ничего не вышло. Пальцы были как мертвые.

Наверно, ему снится, что он умер.

Медсестра (он откуда-то знал, что ее зовут Галя) влаж-

ной салфеткой с запахом спирта стала протирать ему лицо, шею, руки привычными мягкими движениями, что-то мурлыча под нос. Закончив процедуру, она отошла, и он услышал, как она говорит кому-то:

— Глянь-ка, такой молодой, красивый парень. Что же с ним будет?

Какая-то женщина ответила ей низким голосом с хрипотцой:

— Что будет, что будет... Лежать пластом будет. Будут кормить с ложечки, купать... Пока мать жива — будет уход. А умрет мать — в инвалидный дом.

— И тебе его не жалко, Лида? — голос Гали стал тише, сочувствующий. — Что ты каркаешь? Ему же двадцать пять, может, тридцать. Вся жизнь впереди. Может, очнется еще...

— Ага, впереди, — фыркнула Лида. — И что это за жизнь? Толку-то, что красивый... Они к себе беды притягивают. Либо красивый, либо счастливый. Чтобы два в одном — это редкость.

Он слушал и не понимал, о ком они говорят и кого жалеют. И вдруг волна паники накрыла его и куда-то потащила. Он закричал бы во весь голос, если бы мог кричать.

Это не сон.

Во сне не бывает запаха хлорки. Во сне не бывает этой тупой, ноющей боли в голове и между лопаток. Но вскоре она прошла, и тело с тех пор не чувствовало вообще ничего.

Это реальность. Не родись красивым, а родись счастли-

вым... Как будто он мог выбирать. Эта тетка права. Два в одном не бывает.

Он родился несчастным, с трудом переломил судьбу — или думал, что переломил. И вот опять несчастье. Такое, что лучше бы вовсе не родиться.

Он попытался снова пошевелить рукой. Пальцы. Рука. Плечо. Сигнал в мышцы и нервы не проходил. Голова не поворачивалась, он даже слюну сглотнул с трудом. Что это, как и почему он очнулся... таким?

Он тонул в собственном теле, в этой неподвижности, в гробу из собственной плоти и костей. Он заперт в нем как в тюрьме, и никогда не сможет освободиться. Он не сможет даже свести счеты с жизнью, разве что попробует не дышать. Он пробовал несколько раз, но ничего не вышло.

Однажды пришли врачи. Он слышал их голоса — два мужских, один женский. Они говорили тихо, но он улавливал отдельные слова. «Черепно-мозговая травма», «позвоночник», «прогноз».

Потом он услышал женский голос.

— Доктор, скажите мне честно, — ее голос дрожал. — Что с ним? Он... он понимает, что происходит? Он помнит, кто он?

Врач вздохнул. Голос у него был усталый, но добрый.

— Случай тяжелый, Светлана Михайловна. Травма головы и шейного отдела позвоночника. Мозг пострадал. Такие повреждения... они могут влиять на память, на сознание. Он

может забыть себя. Может думать, что он другой человек. А может вообще ничего не думать при таком повреждении.

Он замолчал, потом добавил тише:

— Прогноз... ну, чудеса случаются, конечно. Можно отправить его в специальную больницу для людей с такими травмами. Там реабилитация, специалисты, оборудование. Его, возможно, поставят на ноги. Какой-никакой, а шанс, хоть и крошечный.

Женщина молчала. Потом тихо спросила:

— А если не отправлять? Если оставить дома?

— Дома? — удивился врач. — Ну... понадобится сиделка, это точно. Можете пригласить физиотерапевта, хотя не знаю, поможет ли это. В специализированном-то центре шансы, конечно, выше, тут и сравнивать нечего. Дома вам будет намного тяжелее — и по деньгам, и в плане выздоровления.

Лицо женщины стало печальным, но решительным.

— Сиделку я, конечно, найду. Спасибо, доктор, что спасли сына.

Сына? О ком она говорит?

Он пытался хорошенько рассмотреть эту женщину. Лицо то казалось совершенно незнакомым, то в нем мелькало что-то узнаваемое, но он не мог вспомнить, где и когда ее видел.

Кто она?

Подошла медсестра. По ее движениям он понял, что она делает ему укол в руку. Он ничего не почувствовал, но вскоре провалился в сон. Настоящий.

Когда он проснулся, женщина сидела у его постели. По ее лицу катились слезы. Она сидела рядом с его койкой, держала его руку и плакала. Тихо, всхлипывая, вытирая нос платком.

— Сыночек, — шептала она. — Мой бедный сыночек.

Это что же, его мать? Та, что бросила его вскоре после рождения? Которую он никогда не знал и не видел?

Он рос в доме малютки, потом в детском доме, потом кочевал по другим казенным домам. Он никогда не пытался разыскать свою мать. Некоторые дети мечтают об этом, некоторые, и став взрослыми, хотят найти мамочку, которой у них никогда не было.

Чтобы она их любила.

Но очень много сирот ненавидят своих матерей-кукушек. Он был как раз таким. Ни о какой матери он никогда не мечтал, не искал ее и презирал от души. И даже не потому, что в детдоме было, мягко говоря, несладко. А потому, что из-за нее он никогда не сможет доверять людям, а женщинам в особенности. Он всю жизнь будет один, будет свободен, и такая жизнь ему по душе.

Неужели эта гадина его нашла? Не может быть. У него никогда не было матери. А если и была, она все равно бросила его. И теперь роняет крокодиловы слезы над его телом, которое ничего не чувствует.

Стоило ей появиться в его жизни, и вот пожалуйста — он лежит парализованный, а она изображает горе.

В палату вошел врач, молодой парень.

— Мамочка, вы бы поели, — сказал он. — У нас есть хороший буфет. Выпейте там кофе. Ничего с ним не случится, пока вас нет. Операция прошла успешно.

— Нет, спасибо, — она покачала головой. — Я пока побуду здесь. Мне так спокойнее.

Врач пожал плечами и вышел. Женщина наклонилась к нему.

— Сыночек, — прошептала она. — Не волнуйся, Антоша. Все будет хорошо. Ты Антон, пострадал от нападения. У тебя травма головы и позвоночника. Но это поправимо, врачи говорят, что бывают случаи, когда люди восстанавливаются. Через год, через два, через пять. Главное — не отчаиваться.

Антоша? Разве он не Андрей, которого все называли Дроном? Или нет?

И он все понял. Эта женщина, мать она ему или нет, хочет что-то с ним сделать. И сделает, а он не сможет возразить. Не сможет даже позвать на помощь. А если бы и смог, ему не к кому обратиться.

Быть одному, конечно, прикольно, но есть в этом и неприятная сторона.

Если ты вдруг исчезнешь, тебя никто не хватится.

Он с ужасом осознал, что искать его никто не будет. Он был вольным стрелком и любил разовую работу. С последней постоянной работы ушел еще три месяца назад. Постоянной девчонки тоже не было, как и друзей, с которыми он

бы регулярно встречался.

А сам он не мог ни позвать на помощь, ни рассказать кому-нибудь, что происходит. Он заперт в собственном теле, как в склепе.

Женщина шептала:

— Прости меня, прости... Я не виновата. Я не хотела. Но так уж вышло, прости. Ты не бойся: пока я жива, тебе ничего не грозит.

Пока она жива? О чем она бормочет? А если она умрет, тогда что?

Она не хочет отправлять его в больницу. Почему? Боятся за него или его самого? Не хочет, чтобы у него был шанс?

Он вспомнил о себе почти все, кроме одного — что с ним случилось перед тем, как он сюда попал. Она бормочет про нападение, но он не помнил никакого нападения. Кто-то его избил? Он ввязался в драку и его как следует отделали?

Исключено. Он бы запомнил. Ладно, со временем он восстановит в памяти день, когда он еще мог двигаться, вспомнит, чем таким он занимался, что в итоге очутился здесь.

— Ну что, Светлана Михайловна, вы надумали? — раздался мягкий голос врача. — Отправляем его в центр реабилитации? Надо только квоту получить, будет прекрасное бесплатное лечение...

Женщина ответила твердо, но голос ее дрожал.

— Я решила пока поддержать сына дома. Ему нужен покой. Семья. А потом... потом я все решу с больницей.

Врач помедлил.

— Ладно. Я дам вам рекомендации, контакты массажиста, физиотерапевта. И обязательно звоните, если что-то изменится.

— Спасибо, доктор.

Потом его забрали домой. Квартира была ему незнакома. Он никогда здесь не был.

Женщина хорошо с ним обращалась. С неделю она кормила его с ложечки, звала каких-то людей, чтобы они купали его в ванне, стелила постель, усаживала в коляску и выкатывала на балкон. Иногда она разговаривала с ним, но уже совсем другим тоном, чем в больнице, на людях.

— Прости меня, — шептала она. — Я не виновата, что так с тобой вышло. По крайней мере, ты жив.

И он думал: может, он и правда ее сын, просто из-за травмы не помнит? Но он помнил, кто он такой. Не такая у него была жизнь, чтобы забыть ее даже после катастрофы. Или это посттравматический бред?

Она притворяется его матерью. Называет его чужим именем. В то же время он почему-то был уверен, что она не причинит ему вреда. Пока она жива, ему ничего не грозит — так она сказала.

Через неделю появилась первая сиделка, и женщина, называвшая себя его матерью, исчезла. Наигралась. Перед тем как уйти, она почти перестала с ним разговаривать. Может, решила, что он все равно ничего не слышит, а может, ей бы-

ло в тягость его присутствие. Какая разница? Ему все равно. Он был волком, попавшим в капкан, и знал, что ему не выбраться.

Ничего. Рано или поздно он поймет, что происходит.

Времени у него много. Он ведь молодой, ему еще жить и жить...

Глава 4

Боря решил начать с простого — навести справки в управляющей компании. Ничего криминального, просто профессиональная привычка: если берешься за дело, проверь факты. К тому же его разбирало любопытство: он, если и не знал, то помнил почти всех, кто постоянно жил в доме. И был готов поклясться, что ни разу не видел инвалида в коляске в сопровождении женщины. Она, судя по всему, не жила со своим сыном. Почему? Может, ей тяжело на него смотреть? Бережет свою психику? Или он мешает ее работе, не дает устроить личную жизнь? Есть и другие дети?

Мать оставляет сына-инвалида с сиделкой, которую наняла на «Авито» без рекомендаций, и больше не заморачивается. Возможно, где-то на шкафах запрятана камера, и она видит все происходящее? Надо бы заглянуть к Але под каким-нибудь предлогом и немного осмотреться. Хотя, может, весь ее рассказ — выдумка от начала до конца. Тем более надо сунуть нос в квартиру.

В управляющей компании работала бухгалтер Ирина, которой он пару месяцев назад собрал кухню и не взял за это денег. С тех пор она то снабжала его хорошим кофе, то приносила смородину со своего огорода. К ней-то Боря и решил обратиться. Он позвонил ей и поинтересовался, кто живет в квартире 137. Ирина пообещала посмотреть и перезвонить.

Боря не знал, кем именно она работает в управляющей компании, но не сомневался, что у нее есть сведения о жильцах.

Через час она перезвонила.

— Вот, нашла, — сказала она. — Квартира принадлежит Виктору Петровичу Козлову. Он строитель, работает вахтовым методом. Сейчас в Индии, кажется. А может, в Йемене. Это мне девочки рассказали. Квартиру купил недавно, пару лет назад. Почти и не жил в ней: постоянные заграникомандировки. Сделал ремонт, обставил, а осесть никак не может. Потому и сдает. Где-то с полгода назад сдал через агентство женщине с больным сыном.

— Больным? — переспросил Боря.

— Да. Инвалид-колясочник. Агентство оформило договор, налог Козлов платит, все легально. Женщина платит исправно, задолженностей по квартплате нет, жалоб от соседей тоже. А почему ты интересуешься?

Боря пожал плечами.

— Да так, — сказал он. — Слышал, что в доме инвалид-колясочник, а ни разу никого похожего не видел. Ни с женщиной, ни без нее. Решил, что человек что-то путает.

Похоже, Аля ничего не сочинила. Женщина с больным сыном снимает квартиру, все так и есть. Ничего подозрительного.

— Ни разу не видел? — удивилась Ира. — А Иваныч видел?

— Я еще не спрашивал. Может, он не хочет показывать-

ся на глаза. Или внешность пострадала в аварии. Ну или от болезни. Главное, что он действительно существует и живет в нашем доме.

— Существует или нет, я тебе не скажу. Знаю, что квартира сдается некой Светлане Михайловне Мурочкиной. А про больного сына девочки рассказали наши. Уж не знаю, откуда у них сведения.

Она помолчала.

— Вот ты спросил, и я теперь задумалась — а был ли мальчик? Ты, Борь, если узнаешь, что там что-то не так, скажи мне. Может, заглянешь к ним под каким-нибудь предлогом? А то знаешь как бывает: по договору снимают одни, а живут совсем другие.

— Скажу, — пообещал Боря. — Мне-то казалось, что там вообще никто не живет.

Он повесил трубку и посмотрел на монитор. Интересно, сколько лет Алиному подопечному и как называется его болезнь. Антон Мурочкин — он мог бы и сам поинтересоваться у Лекса, что случилось с парнем, но пока не было повода. Але явно ничего не угрожало.

В следующий раз он увидел Алю через два дня.

Вечером в свою смену ему вдруг захотелось покурить после кофе и очередной попытки отправить СМС женщине, живущей под именем Киры Юдиной. Он на разные лады представлял, что можно ей написать, и каждый раз его палец замирал над клавиатурой и не двигался. Так было и на этот

раз, и Боря в раздражении вышел на улицу и закурил. Что с ним происходит? Он же совсем не знает эту самозванку, как и она его. Однако так вышло, что только они знают правду о том, что случилось в этом доме всего полгода назад. И оба будут молчать.

По двору носились дети на велосипедах и самокатах, легкие и стремительные. Боре они напоминали стрекоз. Солнце клонилось к закату, раскрасив облака в нежные розово-белые цвета. И вдруг эту идиллическую летнюю картину нарушило появление Али. Она была не одна: ее тонкая рука уцепилась за ошейник могучего кряжистого пса. Она тянула его к подъезду. Пес не сопротивлялся.

Сигарета выпала у Бори изо рта.

Это был питбуль. Немолодой, покрытый шрамами, с порванной и криво зашитой губой, с мордой, при одном взгляде на которую сердце уходило в пятки. Половина уха отсутствовала. Хвост был сломан и загибался под немыслимым углом. Пес мельком взглянул на Боря. В выражении морды не было ничего заискивающего.

Аля завела собаку в подъезд, Боря последовал за ней.

— Кто это? — спросил он Алю.

— Что за вопрос? — удивилась она. — Сами видите — собака. Зовут Бублик.

— Бублик, да? Как мило. Где ты ее взяла и куда ведешь?

— На улице взяла. Видимо, выбросили. Он подбегал ко всем, думал, что покормят. Но все его пугались и бросались

кто куда. Ну а у меня сосиски были как раз. Вот я ему половину и скормила, а он пошел за мной. В чем дело-то? — В голосе Али прозвучал вызов. — Я что, не имею права сюда собаку привести?

Боря вздохнул.

— Это решать не мне, а твоей Светлане Михайловне. Ты уверена, что она это одобрит?

Питбуль, видя, что разговор затягивается, спокойно сел рядом с Алей. Он неотрывно смотрел на Борю желтыми спокойными глазами. Бойцовый, предположил Боря. Отработал свое, а потом от него избавились.

Аля вздохнула.

— Я же не могу теперь его бросить, сам понимаешь, — сказала она. — Я что, скотина совсем, что ли? Покормила, а потом ногой пнула — иди, песик, дальше сам ищи себе еду, пока-пока? Я так не могу.

Отлично, подумал Боря. Ей осталось донести свои убеждения до матери сына-инвалида.

— А как на это посмотрит инвалид? — спросил Боря. — Это чудище не сожрет его вместе с коляской?

— Ему понравится, — уверенно сказала Аля.

— Откуда ты можешь это знать? По глазам определишь? Как с виноградом?

— Ну да, — она пожала плечами. — Как с виноградом. И мне кажется, у них есть что-то общее.

Боря переводил взгляд с собаки на Алю и обратно. По-

жалуй, у полковника были основания беспокоиться за дочь. Что общего у беспомощного, бессильного человека и этого зверя-воина, покрытого боевыми шрамами?

— А что насчет собаки? Ты уверена, что ей понравится неподвижный парень в постели, который не говорит и не двигается? Собаки моментально чувствуют разницу между обычным человеком и тем, с которым что-то не так. По их мнению.

— Вот и посмотрим, — спокойно сказала Аля.

— На что посмотрим? Как пес на него бросится? Ты сможешь его оттащить?

Брови Али сдвинулись, рот сжался.

— Не бросится. Я уверена.

— Ты-то уверена. А как насчет его мамы?

Лицо Али стало несчастным и упрямым одновременно.

— Вот тут не знаю, — сказала она. — Посмотрим. Но она так редко тут бывает, что...

— Что вряд ли заметит собаку?

Аля пожала плечами.

— Ну, если она не захочет собаку в доме, я отведу ее тебе. Нет-нет, не пугайся: временно. Только в дни прихода Светланы Михайловны. Он просто немного посидит у тебя в комнате.

На какое-то время Боря потерял дар речи.

— Ты это серьезно? — наконец спросил он.

— А почему нет? — она погладила пса по голове, покры-

той шрамами. Тот тихо вздохнул. — Он не виноват, что его боятся и не любят.

Боря посмотрел в желтые глаза питбуля. На миг ему показалось, что пес видит его насквозь. Знает, что Боря тоже жил на улице и никому не было до него дела.

— Слушай, — сказал он свирепо. — Только временно, когда будет являться хозяйка. Даже не думай, что я возьму собаку навсегда.

— Ладно, — с облегчением вздохнула Аля. — Нам пора. Буду обдумывать аргументы для хозяйки.

Боря фыркнул. Он не сомневался, что ни один из этих аргументов не проймет Светлану Михайловну. Она без лишних слов выставит эту парочку за дверь.

— Делай что хочешь, — сказал он. — Иди домой. Тебя ждет другой подопечный, забыла уже?

Когда Аля с собакой уехали в лифте, Боря спохватился, что не использовал отличный предлог заглянуть в квартиру. Но было уже поздно.

Вечером Аля гуляла с Бубликом, привязав к ошейнику тонкую веревочку. Боря видел их из окна своей каморки и в ужасе ожидал, что собака вот-вот порвет эту ниточку и кого-нибудь сожрет. Он так разозлился на нее, что даже забыл спросить, как инвалид отнесся к появлению в квартире этого страшного существа.

Он пошел в ближайший зоомагазин, где приобрел намордник, приличный поводок с регулируемой длиной, мис-

ку и корм. Утром, когда Аля выводила Бублика на очередной ленточке, он остановил их, пристегнул к ошейнику поводок и не без внутреннего трепета надел на псину намордник. Собака осталась невозмутимой при всех манипуляциях.

Аля пришла в восторг.

— Это нам? Ну спасибо!

— Не благодари, — буркнул он. — Если эта тварь бросится на кого-нибудь, ты ее не удержишь.

— С какой стати ему бросаться? — она погладила Бублика, присевшего рядом. — Он же не дурак.

Бублик опять смотрел прямо Боре в душу желтыми немигающими глазами.

— Иди давай, — сказал он. — Ему пора делишки делать.

Собака встала и степенно пошла рядом с Алей.

Боря проводил их взглядом. Похоже, собака или прекрасно воспитана, или интуитивно подстраивается под ситуацию. Так и быть, он спрячет ее, если Светлана Михайловна поднимет скандал (а так и будет, Боря не сомневался). И может быть, стоит сразу забрать собаку у Али? Девчонка явно с ней не справится. Взгляд желтых спокойных глаз не шел у него из головы.

И вот хозяйка неожиданно зашла без предупреждения.

Боря сидел в своей каморке и пил кофе. Он увидел, как в домофон звонит какая-то незнакомая женщина.

— Вы к кому? — спросил он.

— В квартиру сто тридцать семь. Не могу найти ключи,

где-то на дне сумки.

Боря впустил ее, едва дождался, когда она пройдет к лифту, и позвонил Але (они давно обменялись телефонами).

— К тебе поднимается хозяйка, — сообщил он. — Думаю, это она.

— Черт, — пробормотала Аля. — Не успею...

И бросила трубку.

Боря засек время. Еще минут десять — и Аля с Бубликом окажутся у него. Но время шло, и ничего не происходило. Десять минут, двадцать, час... Наверно, Светлана Михайловна читает Але длинную нотацию. Или решила выгнать обоих, и Аля собирает вещи. Может, позвонить полковнику, подготовить почву?

Через час с небольшим женщина вышла. Боря успел рассмотреть ее. Лет сорок пять, хороша собой. Брюнетка, тонкие черты лица, дорогая одежда, еле уловимый аромат духов. Печальное лицо. Никаких признаков гнева или страха. А ведь должна была прийти в ужас от близости могучего питбуля, явно бойцового, который невесть почему оказался на улице. Должна была предположить, что собака может броситься на ее больного сына. Что же там произошло? Может, это какая-нибудь старшая сиделка, а не мать? Он едва дождался вечерней прогулки, чтобы выпросить Алю о визите.

Нагуляв Бублика, Аля сама подошла к Боре.

— Ну что? — спросил он. — Как прошло?

— Нормально, — она пожала плечами. — Светлана Ми-

хайловна даже бровью не повела.

— Серьезно? — удивился Боря. — Она увидела собаку — и ничего?

— Ну, не совсем... Она, конечно, сначала спросила, в своем ли я уме. Поинтересовалась, откуда собака. Я сказала, что взяла на передержку — жильца в соседнем подъезде увезли в больницу, и ее было не с кем оставить.

— И она поверила?

— Наверно... А может, ей было все равно. Сначала, конечно, немного взбудоражилась, но потом я ей сказала, что мне страшно в пустой квартире с беспомощным человеком. Мало ли что, вдруг залезет кто... Собака — все-таки защита. Тем более ее скоро заберут. И тут она ненадолго задумалась и говорит: вообще-то ты совершенно права. Тебе защита не мешает, а собака — это защита. Пусть остается. Погладила Бублика по голове. Предупредила, что завтра придет курьер, завезет нам продукты. Собаку на время его прихода лучше запереть на кухне. И все. Представляешь?

Боря уже настроился принять Бублика и неожиданно для себя был слегка разочарован.

— И все? — переспросил он недоверчиво.

— Ага, — Аля пожала плечами. — Мы с Бубликом, конечно, довольны, и Антон тоже, но... Все это как-то странно. Ведь она сказала, что мне защита не мешает... а как же Антон? Ему защита не нужна?

Боря кивнул.

— Согласен, — сказал он. — Странная логика.

«Значит, на улице ему находиться опасно, — думал он.

— А рядом с бойцовой собакой нормально. И от кого собака должна защитить Алю?»

Аля попрощалась и убежала вместе с Бубликом.

Он проводил ее взглядом и подумал, что пора навести подробные справки о маме и сыне.

Глава 5

Первую сиделку прислали из агентства. Он услышал неприятный женский голос в прихожей:

— Ну что, показывайте больного.

Женщина, называвшая себя его матерью (он уже знал, что ее звали Светланой), подвела к нему странную бабу. Не то чтобы уродливую — просто из тех, кого мужчины не замечают. Вся она была какая-то бесформенная, с невыразительным лицом и тусклым голосом. Одежда тоже была никакая, мышиного цвета волосы собраны в пучок. Руки — красные, обветренные. Хотя какая ему разница? Будь на ее месте Анжелина Джоли, он возненавидел бы и ее.

— Посмотрели? — сказала Светлана. — Справитесь? Гигиенические процедуры, походы в туалет, смена памперса, смена одежды и постельного белья. Уборка квартиры, кормление. Продукты будут завозить. Иногда будут приходить мужчины, относить его в ванную и купать.

— Это я и сама могу. Без мужчин. Нужна только специальная каталка. Сможете приобрести?

— Да, конечно. Я и не знала, что есть такие. А вы справитесь?

— Конечно. И не с таким справлялась.

Дрон обрадовался. Мужчин он возненавидел не меньше, чем женщин, с тех пор, как одеревенел.

Женщина помолчала.

— А вы, хозяйка, что же, тут жить не будете?

— Не буду, — твердо ответила Светлана. — Я живу в другом месте. Но конечно, буду приходить, навещать.

В глазах женщины мелькнуло странное выражение. Она как будто была довольна, что останется с ним один на один, и ему сильно захотелось, чтобы Светлана ей отказала.

— Справлюсь, конечно. Опыт работы — пять лет. Рекомендации есть. К тяжелым больным не привыкать. Я, конечно, хотела бы без проживания, но раз надо...

— Если вас устраивает цена и условия, можете выйти с завтрашнего дня, — сказала Светлана. — Деньги будут приходить на карту. Холодильник к завтрашнему утру будет заполнен продуктами. Я оставлю вам меню, там все блюда, которые ему полезны. Я удостоверюсь, что вы заступили на свой пост, оставлю вам ключ и уйду. Устраивает?

Ишь как торопится избавиться от него. Готова сплавить первому попавшемуся чучелу.

— Хорошо, — сказала сиделка тусклым голосом. — Завтра и начну.

Сиделка ушла. Светлана ненадолго присела рядом.

— Я буду приглядывать за ней, — сказала она спокойно. — Вряд ли можно ждать от нее подвоха. Все-таки рекомендации. Ты не думай, я буду заходить, проверять, как ты.

Какая добрая, думал он, кипя от ненависти. Она будет проверять, не обижает ли сиделка чужого мужика, которого

она выдает за сына. Она даже не уверена, что он ее слышит. И он решил, что она этого никогда не узнает. Да и что он мог сделать? Ритмично моргать, чтобы она установила с ним связь? Да она почти не смотрит в его сторону, если нет необходимости. Он может выморгать себе все глаза, а она даже не заметит.

С тех пор, как Дрон прибыл в эту квартиру, Светлана не дала ему ни одного лекарства. Она не приглашала физиотерапевтов, не возила его ни в какие клиники, хотя и обещала это больничному врачу. Могла бы попробовать иглоукалывание или еще что-то...

Ничего подобного она не сделает. Она хочет, чтобы он был заперт в своем теле навсегда. Они вряд ли были знакомы, скорее всего, Дрон случайно оказался у нее на пути. И она им воспользовалась. Но зачем? Рано или поздно он это узнает. Если она думает, что он полный овощ, который ничего не слышит и не соображает, тем лучше.

Первый день прошел нормально. Светлана провела сиделку на кухню, показала ей холодильник, отдала ключи и ушла. Сиделка Ира готовила еду, кормила его с ложечки, убирала квартиру. Сверяясь с расписанием, делала уборку, меняла постель и белье. После обеда она ловко переместила его на коляску и выкатила на балкон. После каждой еды она подкладывала под него судно и через двадцать минут забирала, не забыв обтереть. Движения были уверенные, точные, без грубости, но и без тепла. Просто работа. Она не смотрела на

него, не разговаривала с ним — делала свое дело.

Ночью он слышал, как она похрапывает. Ему не было до нее дела.

На второй день все повторилось. Но ему показалось, что она слишком уж долго его обтирает, и взгляд ее при этом затуманивается. Из рта у нее пахло чем-то противным.

На третий день она заговорила.

— Ну что, красавчик, ты меня не слышишь? — спросила она. — Конечно, не слышишь. И ничего не чувствуешь, так? Как будто он мог ответить!

— Лежишь тут, как бревно. Не чувствуешь, не слышишь, не понимаешь. Просто мясо.

Она замолчала. Потом добавила тише:

— Но я-то чувствую. Смотрю на тебя и кое-что хочу. Помимо денег и бесплатного питания. Как насчет хорошего секса?

Она выпятила вперед бесформенную грудь, приподняв ее руками, и надула тонкие губы, изображая женщину-вамп.

Это было настолько нелепо, что он не сразу понял, как реагировать. Эта баба под пятьдесят с жиденькими волосенками и монотонным голосом собралась трахаться с его бесчувственным телом? Вот так парочка из них выйдет!

Он хохотал бы до слез, если бы мог.

Он окружен сумасшедшими, он у них в плену. Полностью в их власти. Впервые с тех пор, как его разбил паралич, он порадовался, что его тело ничего не чувствует.

К сожалению, это не относилось к запахам. От нее пахло табаком, казенной столовой и еще чем-то кислым.

Теперь-то он понимал, что такое полная беспомощность. Он узнал, что чувствуют люди, которых избивают вчетвером, а они могут только закрываться руками. Он принимал участие в таких избиениях, а теперь он на другой стороне. Ему еще хуже. Те хоть могли кричать, позвать на помощь, корчиться от боли. Он не может даже этого. Остается лишь закрыть глаза.

В тот день сиделка Ира ограничилась словами. Еще несколько дней она вела себя как положено: кормила, подкладывала судно, обтирала. Однажды в жаркий день она перестелила постель, пересадив его на каталку, полностью его раздела и уселась рядом, глядя на него, как жаба смотрит на какого-нибудь сверчка мечтательным взглядом, прежде чем сожрать.

Теперь он знает, что такое беспомощность, о да. Может, это мстительница за кого-нибудь из тех, кого он бил вместе с другими, потому что брался за такую работу? Нет, невозможно. Это судьба смеется над ним. Будь он прежним, он бы вмиг свернул этой бабе шею, она и крикнуть не успела бы.

Процесс любования никак не кончался. Взгляд бабы перемещался вверх-вниз по его телу, язык облизывал верхнюю губу.

— Ты, конечно, отощал, — сказала она наконец. — Твои мышцы сохнут потихоньку. Но тело все еще очень даже ни-

чего. Самый симпатичный из моих пациентов. Да еще никто с тобой не живет... Мне в основном старики да старухи доставались, а тут такой подарочек.

Она водила рукой по его телу, что-то бормоча. Дрон закрыл глаза. Из бормотания он уловил, что муж ее бросил, мужики не любят, годы проходят, а заботиться о ней некому. Это она обо всех заботится, а когда придет ее собственная старость, некому будет сиделку нанять.

Она прилегла рядом с ним, положив голову на плечо.

— Ты уж извини... Когда я еще так полежу? Кто захочет? А ты молчишь, оттолкнуть не можешь, вообще ничего сделать не можешь... Это я сделаю с тобой все, что захочу.

Ее руки ползали по его телу, как мерзкие холодные змеи. Он не мог этого чувствовать, но вполне мог представить и задыхался от отвращения, слушая монотонное бормотание. О том, что ее никто не любит, что она всю жизнь была невидимкой.

— А теперь ты мой, — шептала она. — Ты не можешь уйти. Не можешь бросить меня. Пока ты был здоров, ты бы и не глянул в мою сторону, а? Верно?

Так повторялось несколько дней с небольшими вариациями. Она мыла его, кормила, переворачивала. А потом раздевала и гладила, целовала, шептала. Иногда ей это надоедало, и она принималась щипать его — несильно, чтобы не оставить следов. Она знала, что он не чувствует боли.

— Все вы, мужики, такие, — шипела она. — А теперь ты

ответишь за них за всех.

Но ей быстро это надоело.

— Ты все равно ничего не чувствуешь, — сказала Ира.
— Хоть бей тебя, хоть коли. Как камень. Овощ ты, вот кто. Небось даже не слышишь меня, да?

Он мало кого боялся, но Ира была исключением. Она была сумасшедшей, а он был полностью в его власти. Он вспомнил фильм «Мизери», где писатель попал в плен к сумасшедшей медсестре. Она сломала ему ноги, чтобы заставить писать продолжение романа, который он закончил. Но писатель мог говорить, мог обдурить ее, у него все было в порядке с руками и туловищем... А он просто овощ, тут она права.

Ее рука легла ему на горло и слегка сдавила его. Его затопила ненависть. Он волк в капкане, способный только щелкать зубами. И вдруг он услышал какой-то голос, похожий на скрип. Он исходил не от сиделки.

— Ах ты... тварь!

Ира озадаченно уставилась на него. В ее глазах появился страх.

— Ты... говоришь?

Это был его собственный голос. Ненависть сломала паралич связок.

Ира еще не успела сообразить, как к этому отнестись, как в замке повернулся ключ. В комнату вошла Светлана. Она сразу все поняла. Взгляд ее был прикован к лицу Иры.

Сиделка забормотала:

— Здравствуйте... Э-э-э, очень жарко, я решила, что Антону нужна прохлада...

Маленькие глазки Иры забегали. Светлана подошла поближе и отвесила сиделке такую оплеуху, что та не удержалась на ногах и упала. Правда, тут же вскочила.

— Да как вы можете! Я в суд подам!

— А я полицию вызову, пусть протокол составят. Если ты сейчас же не уберешься вон. Увижу здесь поблизости — убью. Давай ключи и вали отсюда.

Сиделка трясущимися руками выложила на стол ключи, пошуршала в коридоре, что-то прошипела. Потом он услышал, как хлопнула дверь. Ушла. Один кошмар закончился.

Светлана бережно одела его и прикрыла простыней. Погладила по голове и вздохнула.

— Ошибка вышла, извини. Нет у меня опыта с сиделками. Даже в голову такого прийти не могло, пока кое-что про них не рассказали... Не переживай, подберем нормальную. Я не могу с тобой сидеть, не готова к такому. Ничего, устрою кастинг. Выберу красивую, умную и добрую... Хотя кому я это говорю? Ты ведь все равно не слышишь...

Дрон чуть было не сказал ей пару слов своим неожиданно прорезавшимся каркающим голосом, но сдержался. Незачем себя выдавать. Пусть думает, что он не слышит, не видит и не говорит. Он превратится в трех обезьянок разом.

Глава 6

Светлана дала объявление на «Авито»: «Парализованному инвалиду требуется сиделка с проживанием. Надежная, физически сильная, ответственная. В обязанности входят: приготовление пищи, кормление, гигиенические процедуры, поддержание порядка. Прогулки не нужны». Агентствам и рекомендациям она уже не доверяла.

Сиделки приходили и уходили. Шли дни, а нужная так и не появлялась. Светлана уже не покидала дом, а устраивала им проверки. Двое через день отказались сами, третья была совсем бестолковая, ей хватило полдня. Четвертая, женщина в годах, все делала хорошо, но через несколько дней сорвала спину и отказалась от работы — переоценила свои силы. Наконец пришла еще одна, по имени Галина. Умное приятное лицо, сильные руки, лет сорока с небольшим. Светлане она сказала, что работу ей посоветовал один человек через знакомых. Она подробно расспрашивала Светлану, чем болен инвалид, какой прогноз дают врачи (он услышал из уст Светланы, что врачи отказались от него, сказав, что он безнадёжен, и не удивился). Единственное, что его занимало, — можно ли использовать эту сиделку, чтобы вырваться из этого плена. Он внимательно разглядывал ее, стараясь, чтобы взгляд оставался бессмысленным, и пока не мог прийти ни к какому выводу.

Галина внимательно слушала Светлану и улыбалась, но глаза ее оставались цепкими и внимательными. Она говорила быстро, уверенно, и время от времени повторяла: «Да-да, конечно, я понимаю».

Светлане она явно понравилась.

— Ну что ж, можете приступать с завтрашнего дня, если все это вас не смущает. Физически потянете? А то одна сда-лась, едва начав. Он ведь тяжелый.

Галина улыбнулась.

— Справлюсь. Завтра я с утра буду у вас.

Светлана вышла ее провожать. Он услышал, как Галина небрежно спросила:

— Простите, а кем он вам приходится?

После нескольких секунд замешательства Светлана ответила:

— Как это кем? Разве вам не сказали? Сыном, конечно.

Ага, вот ее и раскусили с первого взгляда.

— Ой, простите. Видимо, упустила в разговоре. Сочувствую вам.

Хлопнула дверь.

На следующий день Галина пришла ровно в половине девятого. Она блестяще справлялась со своими обязанностями: готовила, ворочала его неподвижное тело, убирала, стелила постель, подкладывала судно. Светлана осталась на три дня. Убедившись, что все идет хорошо, она удалилась, пообещав являться без предупреждения. Светлана пожала пле-

чами.

— Конечно, приходите в любой момент. Все будет в порядке, когда бы вы ни пришли.

Когда за Светланой закрылась дверь, Галина посмотрела на Дрона и сказала:

— Черта с два она тебе мать. А вот кто — я выясню.

Тогда он чуть было не заговорил с ней, но сдержался.

Она начала изучать обстановку.

Несколько раз приходила Светлана, но ничего подозрительного не увидела. Галина держала в порядке и дом, и своего подопечного. Она почти не разговаривала с ним после той первой сказанной фразы. Убирала, ухаживала, готовила. И рылась в шкафах. Он слышал, как в соседней комнате открываются дверцы и выдвигаются ящики, и чувствовал, что она что-то ищет.

Если она собирается прищучить Светлану, он ничего против не имеет.

Однажды она вошла к нему, торжествующе улыбаясь. В руке у нее была пожелтевшая фотография. Подсела у кровати и переводила взгляд с фотографии на него и обратно. На оборотной стороне он заметил надпись: «Антон, Испания, 2003 год».

Галина внимательно рассматривала его. Потом покивала головой, закусив губу.

— Что и требовалось доказать, — задумчиво сказала она.

Помолчав немного, она добавила:

— Что ты не ее сын, было ясно сразу. Тогда кто ты? Зачем она держит тебя здесь?

Он не знал, как быть. Заговорить с ней? И что он ей скажет? Она и так поняла, что он не Антон. Да и можно ли ей доверять? Ясно, что она затевает какую-то свою игру.

Он просто смотрел в потолок, делая вид, что все это его не касается.

— Может, ты богатый наследник, и она тебя похитила? — продолжала Галина. — Хочет денежек срубить с родителей? Выкручивает руки?

Он молчал.

— Подай знак, что ты меня понимаешь. Моргни.

Он не стал моргать. Нет оснований ей доверять. Но и мешать ей он не будет.

— Ясно, ты овощ. Ладно, я не пойду в полицию. Но деньги мне нужны. И я знаю, с кого их получить. Не с нее, нет. С него.

Галина хитро прищурилась и улыбнулась.

Ближе к вечеру, видимо, удостоверившись, что Светлана не придет, Галина в своей комнате завозила со смартфоном. Он расслышал гудки и понял, что она с кем-то говорит.

— Надо бы поговорить, — сказала она в трубку. — Тут творится что-то странное.

Видимо, ее собеседник попытался сострить, потому что она ответила:

— Нет, он не встал и не пошел. Но мне есть что вам ска-

зять и показать. Есть одна фотография. Маленький мальчик и мама на отдыхе в Испании. Понимаете, о чем я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.